

Елена Валерьевна Самойлова

Yelena Valeryevna Samoylova

Ученая степень: соискатель МАЭ РАН

Ученое звание: нет

Место работы: Фольклорно-этнографический центр им. А.М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского Корсакова (Санкт-Петербург)

Center for Folklore and Ethnographic studies named after A.M. Mekhnetsov of the Saint Petersburg state conservatory the named after N.A. Rimsky-Korsakov (St. Petersburg)

Должность: младший научный сотрудник

Название статьи: «Чтобы традиции не прерывались...»: Реконструктивные практики в контексте современной городской культуры.

“That traditions didn't interrupt ...”: Reconstructive practices in a context of urban culture.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с адаптацией элементов сельской традиционной культуры к современным городским практикам (досуговым, образовательным). Предметом анализа становятся праздники народного календаря и традиционная кукла.

In article the questions connected with adaptation of elements of rural traditional culture to urban practices (both leisure-time and educational) are considered. Festival of a national calendar and traditional doll become a subject of the analysis.

Ключевые слова: традиция, реконструктивные практики, кукла, культура, праздник.

Keywords: tradition, reconstructing practices, doll, culture, festival.

Е. Самойлова

«Чтобы традиции не прерывались...»: Реконструктивные практики в контексте современной городской культуры.

Вопросы, связанные с сохранением нематериального культурного наследия (в т.ч. и традиционной культуры – как одного из компонентов), становятся предметом обсуждений в кругах политиков, общественных деятелей, исследователей, учителей и пр. О возрастающем интересе к народной культуре может свидетельствовать множество репрезентационных форм, распространившихся в последнее десятилетие: фольклорные фестивали, радио и телевизионные передачи, научные конференции, семинары, мастер-классы, выставки традиционных промыслов. Появление детских кружков народной игрушки, фольклорных студий, ремесленных мастерских, свидетельствует о формировании в системе дополнительного образования направления традиционной педагогики (этнопедагогики).

В этой статье мне бы хотелось рассмотреть некоторые аспекты, связанные с адаптацией элементов сельской народной культуры к современным городским практикам. Внимание будет сфокусировано на *праздниках народного календаря и традиционной кукле*.

Начнем с городских уличных гуляний, о возрастающем интересе к которым, может свидетельствовать размах проведения масленичных увеселений. В Санкт-Петербурге организаторы экспериментировали на все лады, соревнуясь в синтезе аттракционов, эстрадных представлений и сезонных народных увеселений: как правило, исходя из собственных представлений и финансовых возможностей. Нередко в числе социально значимых задач указывали «возрождение добрых русских традиций»¹.

В этнографии под традицией понимается «механизм аккумуляции, передачи (трансмиссии) и актуализации (реализации) человеческого опыта, т.е. культуры <...> общества отличаются не наличием или отсутствием традиций, а особым содержанием их, особыми способами их трансмиссии и формами их функционирования» [1, с. 108-109]. При рассмотрении. Отсюда интерес к содержанию (наполнению формы), функциональности и механизмам трансляции.

Что понимают под «традицией» современные устроители городских праздников? Остановимся на одном из примеров. В рекламном листке гуляния, организуемого Приморским Парком Победы, из всех перечисленных компонентов (финал проекта «Народная лыжня», концертная программа «с популярными артистами»², катание на

¹ Приморский Парк Победы (ст. метро "Крестовский остров", Северная дорога, 12 «Отель Парк»). Электронный ресурс: <http://2009-2012.littleone.ru/>. Режим доступа: 19.04.13.

² Электронный ресурс: <http://2009-2012.littleone.ru/>. Режим доступа: 19.04.13.

горке, «дисотека «РАДИО для ДВОИХ» выступление популярных коллективов эстрады и известными представителями клубной музыки Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России»)³ в качестве традиционного опознавался лишь один - катание на горке. Следовательно, речь не о «возрождении» традиций, а о конструировании новых тематических городских увеселений, механизмы производства которых, подробно рассмотрены британским историком Э. Хобсбаумом [2].

Почти неотъемлемой частью городской Масленицы становятся кулачные бои. Их привнесение в культуру городских праздников относится к периоду девяностых годов прошлого века (В монографии А. Некрыловой, посвященной традиции городских уличных гуляний, о них нет и тени упоминаний [3]). Освоив некоторые приемы борьбы, используемые в сельской традиционной культуре, инициаторы перенесли их в молодежные клубы, противопоставив системе западных единоборств, достаточно популярной в те годы. И все бы ничего, и даже вполне патриотично - до момента включения в структуру праздника – было же такое в традиционной культуре?! Действительно, было.

Но до настоящего времени не существует ни одного серьезного исследования по практикам кулачных боев в русской народной культуре (не в смысле описания самой формы, а с т.зр. ее функциональности, механизмов ее регулирования в социальной структуре локальной группы). Самой не раз доводилось записывать «про парней с кольями, выдернутыми из деревенских заборов», подзадоривающих их гармонистов, скорбящих о гибели сыновей матерях. Между тем, информанты отмечают, что «выяснение отношений» *не являлось обязательным атрибутом праздника*, скорее исторически сложившейся практикой выяснения соседских взаимоотношений. Причем, с одной деревней конфликтовали, с другой – нет. Разнятся и ограничительные нормы: где-то сражались до первой крови, где-то – до трупы. Можно лишь предположить существование связи между рассматриваемыми видами борьбы (а в обиходе – драки) и системами землепользования (территориальные споры) и брачных кругов⁴ (поединки в период создания брачных пар).

Но если в сельской традиции драка – один из способов регуляции спорных, конфликтных отношений, то в городской культуре – что?

³ Там же.

⁴ Концепция брачных кругов, трансляции компонентов культуры по системе брачных связей, была предложена Т.А. Бернштам.

Пока речь шла об участии в кулачных боях (далее, КБ) воспитанников спортивных клубов, ситуация поединка оказывалась под контролем организаторов. В последние годы возрастает численность (до ста человек) и меняется состав участников (клубная инициатива подхвачена молодежью, в т.ч. не сумевшей реализовать себя на спортивных подмостках). Привлекает не только возможность демонстрации мастерства, сноровки, ловкости и пр. мужских достоинств, адресованной представительницам слабого пола, но и легитимность практик (отсутствие запретов властных структур на массовые поединки в период городских гуляний). Отношение к народной культуре достаточно прагматично - «прикрытие», имиджевая форма, «стеношных» поединков: «мы не можем самостоятельно [без фольклористов – Е.С.] провести “стенку”, нас же сразу заберут»⁵. Организаторы используют интернет-ресурс и набор участников происходит по принципу «снежного кома». Состязаются в кругу «чужих», (в сельской традиции соперники проживали в соседних деревнях и хорошо знали друг друга). Руководители уверяют в соблюдении норм. Но даже в сельском сообществе никто не был застрахован от различных нарушений (использование запрещенных предметов, приемов). Чего ждать от «стихийно» сложившейся группы?!

Подтверждением тому печальный опыт этого года. По мнению одного из участников «стенки» (хорошо знакомого с принципами их организации) помимо «случайностей» фиксировались и методические ошибки: «Не понимаю, зачем нужно было делать четыре сходки, ведь с каждым заходом агрессивность растет!»⁶. Последствия оказались не из лицеприятных: «Петербургские следователи возбудили уголовное дело в связи с гибелью 30-летнего мужчины, который получил черепно-мозговую травму в драке во время празднования Масленицы в одном из городских парков»⁷. А если бы погибший оказался не русским, а представителем иной культуры?

Вопрос «о слепом» транспонировании элементов сельской народной культуры, может быть рассмотрен и на примерах с традиционной куклой.

Традиционная кукла. Начну с несоответствий, которые обнаруживаются при сопоставлении этнографических материалов и практик современных мастеров, популяризирующих традиционную куклу: игровой предмет *покидает пределы домашнего пространства*, перемещаясь в публичное, его делают, *дарят «чужие»* (мастер, а не мама,

⁵ Полевые материалы автора (ПМА), м., ок. 23 л., Санкт-Петербург, 2013.

⁶ ПМА, м., ок. 23 л., Санкт-Петербург, 2013.

⁷ РИА-новости. Электронный ресурс: <http://ria.ru/>. Режим доступа: 19.04.13.

бабушка, тетя или кто-либо еще из родных), вызывает сомнения и *приуроченность дара* (в традиции появление куклы у ребенка связывалось с определенным событием).

Изготовление тряпичных кукол используется психологами и педагогами как один из методов арт-терапии. На Кирилло-Мефодиевских чтениях 2012 г. школьный психолог делилась опытом изготовления антропоморфных фигурок с детьми (смешанная коррекционная группа, подростки 10-12 лет). Моделью служила «грудастая» кукла. Докладчица отметила, что мальчики отказывались участвовать в процессе и пришлось приложить значительные усилия, чтобы «сломить» сопротивление: им предложили подумать об образе матери-кормилицы (грудь как символ продуцирующей и витальной силы!). Между тем, поведение детей вписывалось в каноны традиции: мальчики демонстрировали усвоение соответствующей их полу гендерной роли (чего не скажешь об организаторе эксперимента, увлекшегося развитием мелкой моторики).

В народной культуре кукла органично связывалась с женским – домашним пространством, способствовала формированию черт феминности – характерного поведения, ожидаемого от женщин в европейской культуре (заботливость, мягкость, уход за потомством и пр.).

В контексте мужских практик, кукла нередко использовалась как обидный, оскорбительный маркер. На вологодчине, в случае неудачного сватовства, она могла появиться на шесте у дома жениха: деревенские девушки ставили перед домом высокую жердь, «к которой привешивали соломенную куклу с льняными волосами, одетую в тряпье» (Череповецкий район)» [4, с. 128]. В Кирилловском и Велико-Устюгском районах, отстающего с вывозом навоза на поля, «одаривали» куклой: ее усаживали на дно телеги [5, с. 340] или кидали в насмешку – «Это считалось позорным»⁸.

Кукла, появлявшаяся во время свадебного обряда на супружеском ложе, вызывала неоднозначную реакцию молодоженов: «Николаюшка ее у меня *как схватил и как бросил под порог*. <...> как свистанул в угол, дак я и разглядеть-то не успела»⁹, «он как свистанул, я не успела разглядеть из чего она сделана»¹⁰. Поведение новобрачных соответствует сложившемуся в традиции гендерному стереотипу: женщина проявляет интерес, любопытство, желание потрогать, разглядеть куклу, мужчина старается избе-

⁸ Там же.

⁹ ПМА, Архангельская обл., 2009.

¹⁰ Там же.

виться от атрибута, связанного для него не столько с будущим потомством (кукла - ребенок), сколько с женской символикой.

В рассмотренных текстах современных практик, использующих элементы народной культуры, очевидны смысловые расхождения с традицией, что связано с искажением функциональности и структуры.

Примером иного подхода может быть деятельность Санкт-Петербургской региональной благотворительной общественной организации «Общество русской традиционной культуры»¹¹. При проведении городских гуляний организаторы используют элементы, фиксируемые в традиционных сельских праздниках, адаптируя их к условиям современного города: народные детские игры, молодежные состязания с использованием традиционной атрибутики, праздничные хороводы, народный театр и пр.

Завершающий аккорд гуляний - небольшое пиршество с ритуальным блюдом (в Масленицу - блины, в Троицу – «зеленая яичница» и т.д.). Как и в народной традиции, на гулянии гостей *угощают* (пища – дар). А.К. Байбурин и А. Л. Топорков отмечают, что «совместная трапеза является сердцевиной и средоточием ритуала гостеприимства. <...> застолье – наглядная модель коллектива, его идеальный образ, переведенный на язык застольного пространства»[6, с. 121]. Такой подход в корне отличается от предложений, базирующихся на *купле-продаже*. Дарение «порождает дружеские чувства между участниками»[7, с. 112] (дарение как оппозиция торговле, основывающейся на экономическом принципе).

Информационная база. При подготовке программ используются собственные полевые материалы, собранные на территории Северо-Западного региона и материалы государственных и личных архивов.

Принципы адаптации культурных кодов в современных практиках. Отход от копирования понравившегося элемента. Задача в изучении его функциональности и определении структурной позиции. В тех случаях, когда не удавалось воспроизвести традиционный контекст (явление «вырывалось» и «пересаживалось» в новую среду) специалисты подготавливали необходимый комментарий, позволяющий восполнить возникающие лакуны.

¹¹ Организация существует с 2003 г., сотрудничает с Центрами традиционной культуры Вологодской, Архангельской областей и Республикой Карелией, исследовательскими центрами Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Вологды, осуществляет консультационно-методическую помощь преподавателям городских школ, детских садов, этно клубов и пр.

Большинство вопросов, рассмотренных в рамках этой статьи, имеет дискуссионный характер, а тема реконструктивных практик, ориентированных на народную культуру, остается открытой и требует дальнейших исследований.

Библиография

1. Чистов К.В. Традиция и вариативность // Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л., 1986.
2. Hobsbawm E. The invention of tradition / eds. Hobsbawm E., Renger T. The invention of tradition. Cambridge. 2003. P.1-14.
3. Некрылова А. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII- начало XX века. СПб., 2004.
4. Морозов И.А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре: Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма М., 2011.
5. Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры: Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина М., 2004.
6. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990.
7. Мосс М. Общества, обмен, личность. Труды по социальной антропологии. М. 1996.